

ПЛЫЛ ПО МОРЮ ХАРИУС
У НЕГО НА ХАРЕ УС

ВЛАДИМИР ХОЛОДОК

Владимир Холодок
Плыл по морю хариус

«Автор»

1997

Холодок В.

Плыл по морю хариус / В. Холодок — «Автор», 1997

«Плыл по морю хариус, у него на харе ус. А глаза у хариуса, Как у архивариуса. В юности был хариус Честный, как нотариус. Он стихи наяривал И архив затаривал. Долго плавал или нет – Перебрался в интернет. Что наматывал на ус – Всё расскажет хариус...»

© Холодок В., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Часть I	5
Хариус	5
Иронические песни	6
Шутки, мои шутки	6
Юг – горячий, как уют	8
Пуд Стаса	10
Девочки – модели	12
Мечтает женщина	12
Кроткая любовь	14
Не сбылось	16
Птичка	16
Марусенька	17
Стас большой!	18
Кот Барсик	19
Травмы	20
Цыганка	21
Гараж	23
Григорьев из ЦК	25
Поездка за город	28
Песня Паши Рукосуева	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Холодок Плыл по морю Хариус...

Часть I ...У него на харе ус

Хариус

Плыл по морю хариус,
у него на харе ус.
А глаза у хариуса,
Как у архивариуса.

В юности был хариус
Честный, как нотариус.
Он стихи наяривал
И архив затаривал.

Долго плавал или нет -Перебрался в интернет.
Что наматывал на ус –
Всё расскажет хариус.

Иронические песни

Шутки, мои шутки

Я доволен собственной квартирой,
правда, много странностей у нас:
что ни мебель – то одна сатира,
что ни юмор – то один палас.

Доски половые в коридоре
разошлись, как в ссоре меж собой.
А в щелях лежат, как на просторе,
шутки и слова на вкус любой.

Да, не сор, а шутки, как ни странно.
Здесь живет не плотник, не юрист.
Здесь развёл свой юмор окаянный
неофициальный юморист.

Вот жена, она уже привыкла,
только глянет глазом на палас –
видит там не семечки от тыквы,
видит пару шуток или фраз.

Или в холодильнике, к примеру,
ищет не пельмени – афоризм.
Сварит, поперчит и соли в меру.
Съешь его – как принял пару клизм.

В морозилке – восемь анекдотов,
мало ли – храню на чёрный день,
вкусные, как восемь антрекотов,
свежие, как от коровы тень.

На полу, а также на диване
шутки просто так у нас лежат.
Три вчера опять помылись в ванне,
брызгались, как трое медвежат.

Я люблю их и люблюсь ими,
вон у телевизора сидят.
Самым шустрым я придумал имя
и вооружил их, как солдат.

А вооружённые остроты,
если прокричат они со сцен,

будут поопасней целой роты
на период взвинчивания цен.

Толстенький, пушистый, как котёнок,
отдыхает, свернутый в клубок, –
это наш семейный юморёнок,
мой однофамилец Холобок.

Служит он, как верная собака,
наш уклад семейный бережёт,
ссоры пресекает, забияка,
рюмку дашь – так песенку споёт.

Раз жена запнулась за остроту,
шлёп ее в сердцах по голове.
Сжалилась потом и на работу
в школу забрала её к себе.

В школе эта шутка прижилась,
полюбилась всем учителям,
и теперь почти что в каждом классе
от нее шутята – там и сям.

А жене приятно, что шутницей
числится теперь она крутой.
И смеются даже ученицы,
глядя на детей остроты той.

Мне не жалко, пусть везде разносит,
шутка лишь на воле молодца.
А в неволе опускает носик
и устаревает иногда.

Как-то я ревизию устроил:
афоризмы, шутки и слова
подходили в ногу дружным строем,
я их всех считал по головам.

Вот подходит шутка-инвалидка
с костыльком и руки крендельком –
то на дне рождения у Лидки
пошутил я как-то под хмельком.

А другая, вся в татуировке,
песню нецензурную поет,
нос краснее вымытой морковки –
я изрёк с похмелья ее.

Маются, бедняжки, тянут лямку,

стыдно посмотреть мне им в глаза.
Что сказал, то не зароешь в ямку.
Надо думать, прежде чем сказать.

Фраза лишь сидела одиноко,
с шуткой не общалась ни с одной.
Грустные глазища с поволокой,
волосы с красивой сединой.

– Кто такая? Сколько лет пробило?
Фраза улыбнулась мне слегка:
– «Я люблю» – мое название было,
а живу я многие века.

Я её проставил по реестру,
инвентаризации – отбой.
Недостачи нет, а значит – к месту,
если всё отметим мы гульбой.

Эх, плясали шутки, мои шутки,
даже фраза эта разошлась.
Мы бы веселились, может, сутки,
да супруга в комнату к нам – шась!

И с порога:
– Это что за фраза?
Для меня она как будто вновь –
стройная, красивая, зараза.
Неужели фраза про любовь?

Я ей показал по протоколу:
«Я люблю» – так числится она.
– Вот отлично! Заберу-ка в школу,
посажу в горшочек у окна.

– Ну уж нет! Пусть проживает дома.
В люди ей с тобой не по пути.
В жизни есть простая аксиома
или, может, даже идиома:
эта фраза может только дома
сильно размножаться и цвести.

Юг – горячий, как утюг

Теперь хоть пой тут, хоть горлань,
но предстоит мне заново
перебираться на Кубань,

в жару пустынь банановых.

Жена тащИт меня на юг:
– Там мама на Кубани-то!
– Там юг – горячий, как уют,
и бабам не до бани там.

Там веет ветер-суховей,
пески пуржат метелями,
там задохнулся воробей,
хоть был и не с похмелья он.

Там даже ночью вся земля
паяльной дышит лампою,
и липнет к носу простыня,
как будто черти лапают.

А днем – потничка, пупыри,
не буду даже выше гнуть.
Сотрёшь все тело, хоть ори,
и шаг шагнуть – не вышагнуть.

А счастье – ты поленом лёг,
берёсту-кожу солнцем бьет.
Сгорел, потух, как уголёк,
остался лишь один хребёт.

Ползёт, бывает, раз иной,
тарантул ли, фурункул ли,
тут схоронишься за женой,
кричишь: – Ату его! Коли!

И ведь возьмёт и уколёт,
истопчет до убитости.
Как птицу видно по полёт,
так жён – по ядовитости.

А знаменитый Краснодар?
Базарная провинция!
Дельцам там нужен Мойдодыр,
отмыть – и всех в милицию.

Однако я люблю Тамань,
там радостно и боязно,
там даже чайки сквозь туман
кричат, как из-под поезда.

И есть Азовский водоем,
так море называется,

неплохо там, когда вдвоём
вам с кем-нибудь купается.

Чем привлекателен Сенной?
Что сена нет ни грамма там –
сгорает всё уже весной,
а почтальон – неграмотный.

Там в Керчь за харчем ездят все,
в Темрюк за пивом тянутся,
а пиво, как моча в росе,
нисколько мне не глянется.

И вот в такую тундру я
опять поехать вынужден,
я на крючке жены, друзья,
как ёрш из лунки выужен.

Перенесу, переживу
я все лишенья, тяготы,
вернусь – увижу наяву
смородинные ягоды.

Я за супругой хоть на дно,
меня взять удалось ей.
Не говорите ей одно –
Я еду с удовольствием.

Пуд Стаса *Плач-романс*

Ну, зачем же ты, Стас, похудел?
Всю еду позабыл-позабросил.
Девять дней ты не пил и не ел –
от себя оторвал пуд и сбросил.

Этот пуд мы любили в тебе,
любовались на суше и в бане.
Ты нас счастья лишил – похудел,
ты в глаза нас и в сердце поранил.

Этот маленький Стасиков пуд
над другими витает, как примус,
а над Стасом витает капут,
худоба, облысенье и климакс.

Стас казак был, теперь он казах,

пуд украл всё святое из Стаса.
Где ты, хитрая мудрость в глазах,
где красивая линия таза?

Где упругие плечи и грудь?
Не найти даже с трёх их попыток.
Стас примерно такой как-нибудь
по Дахау гулял после пыток.

Лишь живот сохранил свой овал,
слава богу не шёл на убыток.
Как иначе бы я узнавал,
где есть Стас, а где Юра Копытов.

Пуд всю смелость украл и живёт,
всю активность украл этот пудик,
ходит, топчет сырое жнивье
и по Риге гуляет, как пудель.

Вон он в Риге, причём, не один,
с ним от женщины пуд, вот так чудо!
От какой – разберися пойдя.
Просто ходят по Риге два пуда.

Пуд от Стаса без Стаса, как плут,
черношариком, живчиком вьётся,
у него ничего не сопрут,
сам сопрёт, если кто отвернётся.

А вот Стас без него, без пуда,
всё молчит, как четыреста рыбин,
раньше парнем он был хоть куда,
а теперь хоть откуда пришиблен.

Да и пуду не сладко, ведь пуд
в одиноком томится разгуле.
Гнётся Стас от бессилья, как прут,
и его хулиганы разули.

И тогда Стас сказал: «Милый пуд,
возвращайся ко мне в мозг и в руки
и взбодри, как Верхневинский пруд,
где купаются стайкой старухи».

Плюнул Стас на тревожную жизнь,
пуд вернул по уму и по весу
и чужой прихватил он, кажись,
стал, как прежде, тяжелым повесой.

Девочки – модели

– Нету цвета лучше –
белый с голубым, -так сказал ей Гуччи
голосом седым.
Может, этот случай –
лучший из чудес –
позвонил сам Гуччи,
прямо, как с небес.

Припев:

Гуччи, ты такой могучий,

Разгони мне тучи,

Тучи среди дня.
Гуччи, я не знаю круче,
Ты меня не мучай,
Забери меня.

У неё наследство –
это нету средств,
и в Сибири детство –
лучшее из детств.
А подружек сколько
Бьются в эту дверь.
В Дом модельный только
Пригласи, поверь!

Припев.

Метод проб – ошибок,
а другого нет.
Мотыльки – модели
бьются в этот свет.
Ну а как иначе?
нужен только взлёт!
Бабочка – удача,
может, повезёт.

Припев.

Мечтает женщина

Мечтает женщина про то,

что будет что-то:
подходит в шляпе и пальто
Кутуньо Тото.
 Не просто кто-то –
 Кутуньо Тото.

А вот под ручку на концерт,
гала который,
её ведёт почти что сэр –
Филипп Киркоров.
 Не тот, который...
 а сам Киркоров.

Ей снова будто двадцать пять,
и там под ивой
она целуется опять
с Монтаном Ивом.
 Да так игриво,
 с Монтаном Ивом.

А вот она заходит в дом,
любимый дома, –
в руках шампанское со льдом
у Хэнкса Тома.
 Прекрасно дома
 у Хэнкса Тома.

А этот взял открыл «Бордо»
в стогу на поле,
она в руках у Бельмондо
у Жана Поля.
 представьте, в поле
 у Жана Поля.

И молодёжная мечта
необходима:
стоять в обнимку – красота!
С Биланом Димой.
 Необходимо –
 с Биланом Димой.

Ну и до кучи – Рома Зверь –
какой зверюга!
Влюбился так, что вынес дверь
и влез в фрамугу.
 Такой зверюга –
 залез в фрамугу.

Но тут – будильник, и возник

день настоящий:
к подушке муж во сне приник,
вовсю храпящий.

Муж настоящий –
Всегда храпящий.

А за окном поет весна,
Цветет купавкой,
Его погладила она
Ладошкой-лапкой.
не твёрдым тапком,
а мягкой лапкой.

Он удивлён и огорчён,
как ёрш на грядке,
но – поцелуй в его плечо –
и всё в порядке.

Ерши на грядке
всегда в порядке.

И тут подумала она,
Какое счастье,
Что можно так пожить во снах
Ненастоящих.

Какое счастье! –
Ненастояще.

Кроткая любовь

Крот сидел на корте,
думал не о спорте,
а его кротиха
горевала тихо.
Не спортивный был вопрос –
не о спорте,
а противный был вопрос –
об аборте.

Как же так случилось?-Взяло получилось.
Был же он в аптеке,
Но слепой навеки.
Надевал вслепую крот
Эту бяку,
Взял размер, да вот не тот,-На собаку.

Припев:

Их любовь такая кроткая
началась под облепихой,

удовольствие короткое,
а потом беда и лихо.
Удовольствие испитое,
боже, что ж это такое? –
Через пять минут забытое,
а забот – на век с лихвою.

Жалко же кротиху,
Эту молодуху,
Вот неразбериха
И упадок духа.
Крот сидел и грыз кокос,
Гнал кручину,
Вся карьера под откос,
Как в пучину.

Пихтовые ветки
Горе заматают,
Кротиковы детки
В мамке подрастают.
И сказала громко мать,
Мать кротиха:
– Ты мужик, ядрена мать,
Или... выхухоль?

Приве.

Сняты все вопросы,
Съедены кокосы.
Крот прогнал кручину,
Сделал, как мужчина.
Подарил кротихе крот
Сотню лилий,
Жизнь сама собой идет,
Без идиллий.

Кротиков – четыре,
Ротиков – четыре,
Каждому красавцу
Надо по квартире.
Про карьеру крот забыл,
Грыз березы,
Но безумно счастлив был,
Вот курьезы!

Приве.

Не сбылось

Так у нас на Руси повелось –
повстречалось, но не встретилОся,
полюбилось, но не влюбилОся,
поженилось, но не пожилОся.

На фига мне такое сдалось? –
Ничего не сбылось, не сбылось.
Даже если немного зажглось,
но потом всё равно напилось.

Не напилось, а вдрызг нажралось,
пошаталось и передралось,
не попало, – домой убралось
и добавило там, – надралось.

Завязать бы, да не довелось,
собиралось да не собралось,
и такое вдруг подобралось –
поднималось да не поднялось.

Правда, скоро, на утро пришлось, –
поднималось и – поднялось!
Это значит – не всё пропилось,
и по новой опять понеслось.

Дорывалось и дорвалось,
понеслось, как с цепи сорвалось,
зашивалось, но не прижилось.
Мало, но хорошо пожилось.

Птичка

За окошком два сугроба,
где же ты, любовь до гроба?
Птичка те сугробы ест –
на любви поставлен крест.
Птичка все сугробы съела
и влюбиться захотела,
спела песню о весне,
об ушедшей белизне.

Припев:

А любовь у птички словно... птичка,

утром – песня, вечером – яичко.
Из яичка – клювики, как личики –
вылупились птенчики у птички.
И уже кричат птенцы – младенцы:
– Уберите с солнца полотенце!
Разлетелись из гнезда птенцы,
словно из тарелки леденцы.

Птичка ходит по сугробам,
птичка думает о многом:
– Может, съесть один сугроб
от болезней и хвороб?
И взяла сугробы съела
и влюбиться захотела.
Спела песню о весне,
об ушедшей белизне.

Припев.

Марусенька

Я в магазин с Марусенькой зашёл,
взглянул на цены – пот полился градом:
с пятёрки раньше рупь на закуску шёл,
теперь к пятёрке пять добавить надо.

Моя жена не баба, а орех,
в глаза смотрю ей – денег бы хватило!
Да я прощу ей самый тяжкий грех –
пусть пол не моет, только бы купила.

Есть женщины в советских городах!
Моя жена, не дрогнув даже глазом,
червонец на прилавок им – ба-бах!
Купила мне «Пшеничную», заразу.

В другом отделе ищем холодца,
но нету ничего в универсаме.
Шуршат халаты лишь на продавцах
пузатыми тугими парусами.

Жена взгрустнула: надо что-то есть,
ведь дочь у нас – на выданье подросток,
ей стукнуло недавно двадцать шесть.
Как с дочерями нынче все непросто!

– Маруся, мила, не переживай,

пойдём в кафе, закусим там немного,
ужасно хочется мне пожевать,
и выпить не мешает, слава богу.

Грудастая раздатчица сказала: – Вымя есть.
Об этом мы и сами догадались.
Но шутки прочь, ведь хочется и есть.
– Насыпь чего, а то изголодались!

– Я всем бы вам дала бы по мозгам,
но нет мозгов, возьмите лучше вымя.
Сейчас я всем по вымени вам дам,
вкуснятина, за уши не отымешь.

Бурёнка та была немолода,
и зуб скользил по порции из вымя,
ведь сколько коровят за все года
она вскормила дойками своими.

Потом пошла на мясокомбинат,
успешно там была она забита.
Для слуг народа шла на сервелат,
а для народа – вымя да копыта.

Для дочери мы взяли порций пять.
Пришли домой – она там не скучала.
– Знакомьтесь, предки, это новый зять,
дык вспрыснем-ка семейное начало.

И сев за стол, мы пили кто за что.
И я смотрел на зятя, на приبلудка,
и дочь жалел так просто, ни про что,
и водка с вымем встретились в желудке.

Шла наша жизнь обычной чередой.
Нам теледиктор из программы «Время»
сказал: – Вопросов нет у нас с едой,
в день завтрашний мы очень твёрдо верим.

Я в магазин с Марусенькой зашёл,
взглянул на цены – пот полился градом:
с пятёрки раньше рупь на закусь шел,
теперь к пятёрке пять добавить надо.

Стас большой!

Стас большой, зима здорова,

но Стас поздоровее.
Шутя-играя колет дрова,
по-доброму звереет.

Размах, удар, поленья – вдрызг,
звонит оконце в раме,
ещё удар, и тихий визг
оповестил о травме.

Соседка-баба, чтоб ей прыщ
вскочил бы на головку,
для сушки собственных трусищ
повесила верёвку.

И по закону о кругах,
о центробежных силах,
верёвка стерегла размах
и Стаса подкосила.

Но Стас сказал, жена права,
когда прощался с нею,
сказал он, что там голова,
есть вещи поценнее.

Карета помощи летит,
и Стас, как Щорс, в повязке...
Ты тещь к поленьям аппетит
в трусах стальных и каске.

Кот Барсик

Забрёл ко мне на дачу
котёнок-уголек.
Свернулся, как калачик,
устроился у ног.
Назвал его я Барсик -так всех зовут в Перми,
он пел всегда романсик,
а я его кормил.

Он мордочкой не вышел,
но ласков был и мил,
его любили мыши,
и я его любил.
Он кильку ел и корки –
что сам я ем пока.
Не видел он икорки,
не нюхал молока.

Всегда мурлыкал гулко
и тёрся о сукно,
а утром на прогулку
выскакивал в окно.
Лакал супец вчерашний
и не любил котов,
хвалил уклад домашний
и был «всегда готов!»
Он думал: так и надо,
пока был мал и глуп,
что лучшая награда –
из кильки с мойвой суп.
Но встретил раз в подвале
бывалого кота.
Кот молвил: «Не видали
вы в жизни ни черта».

И после этой встречи
мой милый друг исчез,
он не пришел под вечер
и много дней через.
Я был в универсаме
однажды как-то раз,
гляжу – сидит, с усами
и бусин – пара глаз.

Меня узнал, но сидя
приветствовал меня,
как-будто я проситель,
должник и не родня.
Не ждал такой концовки,
а он развил усы
и вынес мне с фасовки
кусочек колбасы.

Он кверху вскинул морду,
а я уткнулся в пол.
И он остался гордый,
а я смурной ушел.
Я не люблю злословья,
но должен быть конец.
Ведь даже кот в торговлю
подался жить, подлец.

Травмы

Месяц свои блёстки
в городе развеял.
Мчусь по перекрёсткам
с дальним светом хлёстким,
за рулем трезвею.

Выпала дорога
дальняя на дачу.
Маша-недотрога
смотрит так нестрого,
с нею и лихачу.

Припев:

Травмы, травмы старые успели
подзабыться и подзалечиться.
Снова я в машине каруселю,
вот и дача нам навстречу мчится.

То была не дача,
а рефрижератор...
Руль исчез куда-то,
а в руках – горячий,
смятый радиатор.

Припев:

Травмы, травмы новые на теле.
Вот и пульс подводит, окаянный.
Снова я в машине каруселю...
Красный крест на ней?
Иль деревянный?

Цыганка

Все карманы – наизнанку,
но купил автомобиль.
Я машину, как цыганку
молодую, полюбил.

Счастье – сидя за баранкой,
запах кожаный ловить.
Столько тыщ вложить в цыганку –
как её не полюбить?

Я любил капот и крылья,
в них глядел, как в небеса,
и ногой стучал несильно
по баллону колеса.

Как в цыганкиных глазищах,
в фарах целый мир блистал,
я с восторга влез под днище –
весь кардан исцеловал.

От любви такой обильной
у меня прошибло пот,
и зажал автомобильный
я в объятиях капот.

Гладил бритую щекою
лобовое я стекло,
и подхлынуло такое –
аж в ботинок потекло.

Сел за руль я, чист и светел, –
трогай, милая моя,
хоть цыганка – вольный ветер,
а послушалась руля.

Только метров через триста
я опять к ней воспылал,
завернул в лесок тенистый –
всю ее исцеловал.

Пять проехал километров,
будто бес в меня залез –
через каждые сто метров
заворачивали в лес.

День когда лишь начал гаснуть,
Я очнулся – хватъ-похватъ –
для меня совсем неясно,
где ж машине ночевать?

Даже страсти поостыли,
опасеньям нет числа,
но любовь осталась в силе,
только ревность возросла.

Мимо милой ходят люди,
кто к ней близко подойдет –
закрываю сразу грудью
лобовое и капот.

Ладно, ставлю у подъезда,
где опавшая листва;
я читал в решеньях съезда,

что не будет воровства.

Лёг в квартире – ужас снится,
что в машине на дворе
чья-то блещет поясница –
ходят воры на воре.

Просыпаюсь спозаранку –
вся изорвана кровать.
Столько тыщ вложить в цыганку –
как её не ревновать?

Но сбылись мои опаски,
мои глазки – в десять слёз,
нет в багажнике запаски,
фары нет и всех колес.

Мы лежали – два подранка,
я визжал, впадая в раж.
Я люблю тебя, цыганка,
я куплю тебе гараж.

Гараж

(2-я серия)

На кишку надел бандаж,
побежал искать гараж,
хоть и был я весь разбитый и болезный.
Но гараж спасет от краж,
он машине, как блиндаж,
на запорах, на замках и весь железный.

– Эй, хозяин, дашь не дашь
мне за тысячу гараж?
Заиграла на губах его ухмылка:
– Мало дал, а много хошь –
цены прыгают, как вошь.
Сторговался я за две и плюс бутылка.

Руку к сердцу приложу,
бед хлебнул от гаража,
потому что гаражи, как филиалы
ресторанов и блатхат,
где сплошной матриархат,
где нарушены морали идеалы.

Я, как птица о двух крыл,
подлетел, гараж открыл,
только сразу ошарашен был и скован –
в уголке сидят две девки,
а хозяин без издевки
мне сказал, что, мол, гараж укомплектован.

Я сказал, раскомплектуй!
Девки в голос – вот те х-хрен,
к гаражам мы этим с детства приобшились,
ты нас просто накорми
и слегка опохмели,
что мы зря сюда с Химмаша притащились?

Это что же, на свои
накорми и напои?
Но – традиция, тут некуда деваться.
Я вина им притащил,
но, видать, переборщил –
девки начали зачем-то раздеваться.

Не нужна мне ни одна,
а с двумя совсем хана,
за подмогой побежал в гараж к соседу.
У соседа в гараже
тоже девки в неглиже,
он сказал, пересиди, пока уедут.

Заодно мне подсоби,
вишь, какие особи,
я смотрю, ко мне подседа, точно, особь.
Намекнула про любовь,
но, как Ленин и Свердлов,
не позволил я моральных перекосов.

Я вернулся, в гараже
девок не было уже.
Я раскинулся на мягкой оттоманке.
Думал я, ну ты скажи,
для чего же гаражи?
И зачем его купил своей цыганке?

А в соседнем гараже
пик намечен в кутеже:
шум от слез стоит, от песен и от танцев.
Крики: «Я тебе рожу
и в парткоме докажу!»
Ну как будто там гуляют иностранцы.

А потом все стихло враз,
выхлопной повеял газ,
я – в гараж быстрее, успел к ним, слава богу.
Угорели, как зверьки,
Я натер им всем виски –
задышали, зачихали понемногу.

А сосед Пономарёв,
как очнулся – сразу в рёв.
Ну а девушки, очухавшись, сказали:
– Не води ты нас в гараж,
лучше дома расшарашь,
в крайнем случае, в курилке на вокзале.

Мне не надо гаража,
он как плесень или ржа,
отголосок он основ капитализма.
Это ж собственность, гараж,
значит, это просто блажь,
это клизма для идей социализма.

Сходу я продал гараж,
все в стихи, на карандаш,
а цыганку на стоянку я пристроил.
Пусть она в снегу, в росе,
но зато она, как все,
как и должно быть при самом верном строе.

Григорьев из ЦК

В навоз воткнул я вилы
возле личной виллы,
зову так дачу я, точней – сарай.
И плюнул я с досады
в горшочек для рассады,
ну кто сказал, что дача – этой рай?

Жена клопов ловила
В диване нашей виллы,
а с кухни выгоняла пауков.
– Шабаш! – сказал ей громко, –
давай мои котомки,
отправь меня на волю из оков.

– Варвара, нету мочи,
я в Крым хочу и в Сочи,

целуй меня скорее в нос и лоб.
Поеду я в Алупку,
там все без полущубков,
и я там загорю, как эфиоп.

Я деньги взял в чулане,
над ними вечерами
мечтал, теперь прощай, велосипед!
Жена всплакнула малость,
а что ей оставалось?
Рукой покорной погрозила вслед.

Вокзал гудел, как улей,
мужчину там разули –
хулиганье! Мне жалко мужика.
Отдал ему я кеды,
он их надел покуда,
представился: «Григорьев из ЦК».

– А что ж ты не спецрейсом,
не воздухом, а рельсом?
В вагоне ехать суток полторы.
Он оглянулся ловко,
шепнул: «Командировка.
Не спрашивай про это до поры».

Его я принял в пару:
один погибнет парень,
на всем готовом он сидит в ЦК,
отвык от нашей жизни,
живет при коммунизме,
а тут реальность схватит за бока.

Мы встали за билетом,
но стало ясно – где там!
Кругом толпа, жара и мишура.
Как зверь, я рвался к кассе,
мне кто-то нос расквасил...
Взял в общий два. В Алупку! В Крым! Ура!

В вагон наш проводница,
с глазенками девица,
втокнула пассажиров сотни две.
С Востока ехал дембель,
глушил вино под крендель,
Григорьев ужаснулся – скотник-де.

В портяночном настое
доехали мы стоя,

Григорьева я вынес на руках.
Он лёг под первый тополь
и крикнул: – Симферополь!
Как далеко ты, сволочь, от ЦК.

Он стал искать бумажник,
но побледнел весь ажник,
сказал: «Украли». Сделался суров.
Потом издал он вопль,
из носа вытек сопль:
– Ну как же так? Ведь нет у нас воров!

Добавил: – Вот так ребус.
Мы сели на троллейбус.
Григорьев ехал молча и потел.
В Алушке комнатёнку
мы сняли за пятёрку,
пошли на пляж, где море разных тел.

Сказал, вздохнув, Григорьев:
– И наши все на море,
в Ливадии балуют до утра.
Едят икру и сёмгу,
а завождем Сёмка
лакею тычет в морду осетра.

Живём не хуже негров,
ведь сколько в наших недрах
и золота, и нефти, и угля.
На нас Массандра пашет,
Дюрсо Абрау – наше,
вина как грязи, только потребляй.

Я молвил с интересом:
– Молчит об этом пресса,
зато о показателях орём.
Вот мы с тобой у тётки
живем не по путёвке,
А ваши тоже едут дикарём?

И если да, то сколько
вы платите за койку?
И как спиртное? Тоже до семи?
Когда берёшь бутылку,
не чешешь ли в затылке,
челом не бьёшь таксисту до земли?

В палате цен кто служит,
наверное, не тужит,

вдувая цены на процентов сто.
Я слышал, замминистра
за воровство – под выстрел,
а ты, мол, не слыхал про воровство.

Тебя обворовали –
не умер ты едва ли.
А замминистра всех – под гребешок!
А сколько замминистров?
Скажи-ка, только быстро.
Вот то-то же. И есть у всех грешок.

Заржал, как конь, Григорьев,
видать, не знал он горя.
Потом сказал: – А знаешь, почему
я здесь торчу с тобою
у грязного прибоя?
Вникаю в жизнь, доложить кой-кому,

И вот сейчас я вижу,
что многие без грыжи.
Вот ты, к примеру, вёрткий, даже жуть.
Так значит, цены можно
взвинтить еще немножко,
все гайки завинтить, чтоб не вздохнуть.

Я онемел как рыба:
– Ты без меня погиб бы,
разут и обворован, в душу мать!
Тебя пою, кормлю я,
такого чистоплюя,
а ты доложишь – дальше зажимать?

В Ливадию со смехом
он в тот же день уехал,
а я вернулся к вилле и к жене.
Доложит он серьёзно,
что вник, мол, скрупулезно:
предела терпежу в народе нет.

(июнь 1982 г.)

Поездка за город

С другом Колькой едем в лес,
на прогулку, значит,ся,
он ко мне в машину влез
и давай артачиться.

– Кто же с голыми руками
по лесу шатается?
В сухомятку шашлыками
и собака давится.

Алкоголь, мол, ядовит –
чушь бы не морозили.
Только водка сохранит
горло от коррозии.

Завернули в магазин,
взяли от коррозии,
погрузили в лимузин
и махнули к озеру.

На природе – все о'кей,
мы под сок берёзовый,
как французы пьют коктейль,
пили вермут розовый.

Раз и – древо, два и – древо,
раздвоились дерева.
Мы нырнули с перегрева,
чтоб остыла голова.

Он в воде стоял по нос:
мол, тону же, братцы, я,
у меня стоял понос
и галлюцинация.

Кольку трахнул по башке
для спокойя общего,
а потом на бережке
откачал утопшего.

Он очнулся, сразу в глаз
локтем мне подначил.
Я с вопросом – вот те раз?
Он с ответом – сдача.

После, в общем, скромной драки
мы устали как собаки.
Это значит, как бы вроде,
отдохнули на природе.

И под вечер как уроды
возвращались с Колькою.
Мы решили: на природу

братъ не будем горькую.

Песня Паши Рукосуева

Я утром меж пятью и так семью,
бывает, просыпаюсь и «кукую»,
все больше размышляю про семью,
про жизнь свою какую-никакую.

И где-то утром, около шести
на вывод выхожу довольно странный:
вот женщины, их гладишь по шерсти,
лелеешь, а они наносят раны.

Я в юности копался, выбирал,
хотел невесту, чтобы без ошибки,
приехал, помню, как-то на Урал,
женился на одной красивой шибко.

На свадьбе даже встал я на скамью,
сказал гостям, что я, мол, Рукосуев,
всем сердцем голосую за семью
и за жену всей грудью голосую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.